

УДК 325.2

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРОЙ ВОЛНЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА

© 2017 г.

Т.А. Медведева, С.В. Бушуева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

medvedeva144@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2017

Предпринята попытка проанализировать проблемы формирования послевоенной волны российской эмиграции, выявить ее количественный и качественный состав, а также отличительные особенности. Одной из проблем для второй послеоктябрьской волны эмиграции была насильственная репатриация после Ялтинских соглашений. Однако параллельно с формированием новой эмиграции шел процесс и возвращения в СССР, прежде всего связанный с возросшим авторитетом Советского Союза после победы над фашизмом.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, оптация, репатриация, депортация, перемещенные лица, волны эмиграции из России.

Русское зарубежье XX века – явление совершенно уникальное в отечественной и мировой истории. Мощный социальный взрыв 1917 года и последовавшая за ним гражданская война вызвали небывалый всплеск эмиграции из России. Как известно, эту эмиграцию называют «первой послереволюционной» или «белой». Другой общественный катаклизм прошлого века – Вторая мировая и Великая Отечественная войны явилась причиной формирования так называемой «второй волны послереволюционной эмиграции».

Обе эти волны и количественно, и качественно отличаются друг от друга. Эмиграция из революционной России, по разным оценкам, составляла от 1.5 до 3 млн человек. По характеру это была вынужденная эмиграция в отличие от второй волны, где присутствуют факторы и принудительности, и добровольности. По численности она была меньше первой волны: приводятся цифры от 0.7 млн до 1.5 млн человек. Разброс количественных данных во многом объясняется тем фактором, что значительная часть перемещенных лиц по своей личной мотивации старалась избежать регистрации и не попасть под репатриацию на родину [1, с. 4–19].

Эмигранты первой волны, независимо от причин и обстоятельств бегства из своей страны, были подданными Российской империи. В отличие от них представители послевоенной эмиграции были гражданами Советского государства. И если большинство русских беженцев первой волны принадлежали к культурной и политической элите Российской империи, то вторая эмиграция образовалась в основном из бывших военнопленных, мирного населения, угнанного на работу в Германию и другие страны Европы («остарбайтеры»), а также части

населения оккупированных территорий СССР, покинувших страну вместе с отступающими немцами. Отсюда и несопоставимый их духовный и культурный потенциал. Беспрецедентно высокого культурного уровня первой эмиграции людям второй волны достичь не удалось.

Данные о численности советских людей, оказавшихся за пределами своего государства в результате Второй мировой войны, достаточно противоречивы. Из их количественного состава можно выделить несколько категорий. Самая крупная по численности из них – это советские военнопленные. Точные и достоверные данные о военнопленных в 1941–1945 годах отсутствуют. Германское командование в официальных данных указывает цифру в 5.7 млн человек. По данным Генштаба Вооруженных сил Российской Федерации, потери пленными составили 4 млн 559 тыс. человек [2, с. 1].

Второй по численности категорией являются насильственно вывезенные на принудительные работы в Германию жители оккупированных территорий Советского Союза. Число депортированного мирного населения на работы в Германию составило, по данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, 4 млн 829 тыс. человек. В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса указывалась другая цифра – 4 млн 978 тыс. 735 человек [3, с. 92].

Третья категория, качественно отличавшаяся от двух первых (вынужденных), – это добровольные беженцы, которые либо были противниками советской власти, либо пострадали от нее в период репрессий и воспользовались фашистской оккупацией для бегства из СССР. Насчитывается примерно 1 млн советских граждан, бежавших вместе с немецкими вой-

сками. Четвертая категория – около 1 миллиона бывших советских людей проходило службу в различных добровольческих формированиях и у генерала Власова [4, с. 81].

Противоречивы сведения и о количестве погибших в плену. По разным источникам это количество составляет от 1.2 до 3.3 млн человек.

Общие же официальные оценки числа советских граждан, оказавшихся к концу войны на территории Германии и стран Европы, колеблются вокруг цифры 7 млн человек, из них 2 млн военнопленных и 5 млн «остарбайтеров» и беженцев [5, с. 102–103].

Приводятся и иные данные, где общее число депортированных из СССР советских граждан составляло 8.7 млн человек. Из них погибли на чужбине – 2.1 млн человек; репатриированы разными путями: советским государством, немецкими властями («возвратники»), вернулись самостоятельно на родину – 5.9 млн человек. Уклонились от репатриации, т.е. стали «невозвращенцами», – 0.7 млн человек [1, с. 10]. Именно из последних и образовалась вторая волна эмиграции.

Традиционно в качестве основного контингента второй волны рассматривают советских граждан, которые оказались за границей в результате начала Великой Отечественной войны и оккупации Германией значительной территории СССР. Однако хронологические рамки второй волны эмиграции из СССР несколько шире, а масштабы миграционных потоков крупнее. Начало миграционным перемещениям необходимо искать в событиях конца 1930-х годов, а значительный поток эмигрантов иссяк только к концу 1950-х годов.

В рамках изучения миграционных процессов, связанных с глобальными потрясениями Второй мировой войны, необходимо выделить и такую составляющую миграции, как оптации – переселение из-за необходимости самоопределяться в выборе гражданства при изменении существующих границ государств.

Уезжали на историческую родину советские немцы в соответствии с договорами 1939 года. В октябре 1939 года была создана смешанная советско-германская комиссия по делам эвакуации. По имеющимся данным, к февралю 1940 года из Западной Украины и Западной Белоруссии было переселено в Германию до 128 тыс. лиц немецкого происхождения. В дальнейшем этот опыт был распространен на Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину. Всего из западных районов СССР в 1939–1940 годах выехало 392 тыс. (по другим данным – 310 тыс. или 350 тыс. чел.) «фольксдойч». В 1944–1946 годах в ходе демаркации новых границ в Германию

было переселено 1157 тыс. немцев. Таким образом, в 1939–1945 годах из СССР выехало порядка 1.7 млн этнических немцев.

После советско-финляндской войны в связи с присоединением к СССР Выборгской губернии в Финляндию переселились 424 тыс. финнов. Это была односторонняя оптация. Массовым был и отъезд поляков в Польшу из западных районов СССР. Важнейшей мотивацией для польской репатриации стало возрождение польской государственности. В июле 1945 года между правительствами Польши и СССР было подписано Соглашение о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей и на выезд их в Польшу, а также о праве на выход из польского гражданства лиц украинской, белорусской, русинской, литовской национальностей и об их иммиграции в СССР. Если в 1940 году в Польшу выехало 15 тыс. поляков, то на октябрь 1946 года около 1090 тыс. человек (по другим данным 1526 тыс. чел.) польского происхождения покинуло пределы СССР. В Советский Союз из Польши переселилось около 518 тыс. человек [6, с. 2].

Особенно масштабным был отток польского населения из Западной Украины, бывшей Галиции. Здесь поляков почти не осталось, тогда как в 30-е годы их удельный вес доходил до 40%. Деятельность ОУН – УПА и бандеровские каратели были в значительной степени тем фактором, который изгонял поляков с территории Западной Украины. В 1945–1946 годах отсюда выехало 810 тыс. человек. В итоге Львовская, Тернопольская области, где прежде большинством было польское и еврейское население, в этническом плане стали украинскими [7, с. 20, 28; 8]. Аналогичные миграционные процессы, только в несколько меньших масштабах, затронули и Чехословакию, и Румынию, и Японию.

Вторая постреволюционная волна эмиграции по сути своей может называться первой советской. Она могла бы быть очень значительной, если бы не насильственная депортация в СССР значительной части советских людей, оказавшихся за пределами родины. Насильственная репатриация началась, по сути, еще до окончания войны и закончилась в основном к 1947 году. Правовой основой депортации послужили Ялтинские соглашения 1944 года между правительствами СССР, США и Англии, где отмечалось, что советские депортированные лица после их идентификации советскими репатриационными представителями будут репатрированы независимо от их личного желания. Позднее аналогичные соглашения о принудительной репатриации советских граждан были подписаны с правительствами Бельгии и Франции¹ [9].

«Жертвы Ялты» – так назвал свою книгу потомок русских эмигрантов первой волны Н.Д. Толстой, один из первых исследователей за рубежом этой проблематики [10]. Тогда решалась судьба послевоенного миропорядка, поэтому мировые державы не заостряли свое внимание на вопросе соответствия принципам и нормам международного гуманитарного права выдачи советскому правительству советских граждан, оказавшихся в сфере их юрисдикции. К тому же были и чисто прагматические мотивации у наших союзников не педалировать проблему прав человека, например, собственных военнослужащих, освобожденных Советской армией из немецкого плена. По практическом завершении репатриации на 1 декабря 1946 года было зарегистрировано 1 млн 833 тыс. 567 военнопленных и 3 млн 582 тыс. 358 гражданских лиц, всего 5 млн 415 тыс. 925 человек [3, с. 100].

Остаться на Западе и тем самым избежать репатриации можно было несколькими путями. В первую очередь доказать свое несоветское происхождение, т.е. гражданство Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, происхождение из западных областей Украины и Белоруссии, или принадлежность к первой волне эмиграции. Согласно ялтинским договоренностям, обязательной репатриации подлежали те граждане, кто проживал на территории СССР до 1 сентября 1939 года.

Но и это не всегда давало возможность уклониться от принудительной репатриации. Одним из самых известных лиц первой волны эмиграции, подвергнутых насильственной репатриации, был В.В. Шульгин, член Государственной думы, ярый монархист, принимавший, в числе немногих, отречение Николая II от престола, один из основателей Добровольческой армии. Шульгин после разгрома белых армий, как известно, бежал за границу. В конце 30-х годов Шульгин оставил политику, не желая примыкать к части эмиграции, видевшей в Гитлере «освободителя», и жил до октября 1944 года в небольшом югославском городке Сремские Карловцы, оккупированном немецкими войсками.

Шульгин принципиально не контактировал с немцами, в то время когда генералы Краснов и Шкуро пошли к оккупантам на службу. Греха сотрудничества с фашистами за ним не числилось, да и как политический деятель он был уже в прошлом. Вряд ли этот 66-летний эмигрант представлял какую-либо угрозу для Советского государства. Но, тем не менее, в 1944 году, с приходом в Югославию Советской армии, Шульгин был арестован, депортирован и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. Из Владимирской тюрьмы он освобожден по указу только в ноябре 1956 года [11, с. 3–70].

Генералы Краснов и Шкуро также не избежали насильственной репатриации. В июне 1945 года английские власти выдали 46 тыс. казаков, которые были репатрированы в СССР. Формально казаки являлись представителями первой белоэмигрантской волны, но за участие в войне на стороне Германии, за проведение карательных операций не только на территории СССР, но и Югославии, Италии подлежали репатриации. Краснов, Шкуро и еще несколько генералов повешены в Лефортовской тюрьме в январе 1947 года.

После освобождения советскими войсками Праги были арестованы и насильственно вывезены в СССР князь П.Д. Долгоруков, лидер «евразийцев» П.Н. Савицкий, директор Русского исторического архива в Праге С.П. Постников. В частности, заведующий кафедрой экономики Русского свободного университета в Праге, П.Н. Савицкий, который еще в 1921 году вместе с Н.С. Трубецким стал инициатором евразийского движения, был в 1945 году арестован СМЕРШ, 10 лет провел в сталинских лагерях, в 1956-м, выйдя на свободу, вновь уехал в Чехословакию, где подвергнулся аресту за сборник стихов, в котором нашла отражение лагерная тема [12, с. 759].

Единственный смысл в подобной насильственной репатриации видится в том, что советское правительство было озабочено тем, чтобы не только не допустить создания на Западе новой антисоветской политической эмиграции из Советского Союза, но и сократить, насколько это возможно, старую эмиграцию.

Современная юридическая оценка насильственной репатриации дана в 1990-е годы. Основываясь на материалах и выводах Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, Указом Президента РФ от 24 января 1995 года действия партийного и государственного руководства бывшего СССР и меры принуждения со стороны государственных органов, предпринятые в отношении российских граждан – бывших советских военнослужащих, попавших в плен и окружение в боях при защите Отечества, и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период, признаны противоречащими основным правам человека и гражданина. Указом признано, что названные категории лиц осуждались за государственные, воинские и иные преступления, направлялись в «штурмовые батальоны», в ссылку, высылку и на спецпоселение, подвергались проверке в сборно-пересыльных, специальных и проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах, в специальных запасных частях, «рабочих батальо-

нах» Народного комиссариата обороны СССР и Народного комиссариата внутренних дел СССР, привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались иным лишениям или ограничениям прав и свобод необоснованно и исключительно по политическим мотивам. Эти лица восстановлены в правах [13, с. 394].

Естественно, что не все советские граждане, волей судьбы в годы страшной войны оказавшиеся за пределами родины, становились невозвращенцами. Это касалось прежде всего лиц, сотрудничавших с фашистами в разных формах – от службы в вооруженных строевых формированиях до выполнения карательных функций на своей родной земле. Репрессии против предателей понятны и законны. Но проблема заключалась в том, что жестоким репрессиям после освобождения были подвергнуты миллионы советских людей, оказавшихся не по своей воле в немецком плену или на немецкой каторге. Совсем не случайно, что в приговорах и обвинительных заключениях присутствовала фраза: «Подвергался воздействию фашистской пропаганды». И этого было достаточно для изоляции человека от общества. Поэтому и у тех, кто не запятнал себя сотрудничеством с оккупантами, возникал страх за свою дальнейшую судьбу на родине. Боясь расправы, многие репатрианты отказывались возвращаться в Советский Союз. Те, кому удалось избежать насильственной репатриации, становились русскими «ди-пи» (сокращенное от *displaced persons* – перемещенные лица).

Весной и летом 1945 года на проверочно-фильтрационных и сборно-пересыльных пунктах в Германии и других странах Европы репатрианты находились в исключительно тяжелых условиях: скученность, эпидемии, полуголодное существование, преступность, унижительные допросы, полная бесперспективность и неуверенность в завтрашнем дне. За них хлопотала Зарубежная церковь, различные комитеты по защите беженцев, пресса. Так, «Социалистический вестник» в 1949 году опубликовал статью «Хождение русских ди-пи по мукам», где рассказал о мытарствах, произволе и издевательствах проверочных комиссий, пережитых бывшими советскими гражданами в лагерях перемещенных лиц.

Первое время проблемами перемещенных лиц занималась образованная еще в 1943 году UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – UNRRA (ЮНРРА)), Администрация ООН по оказанию помощи беженцам и их расселению. С 1 июля 1947 года функции ЮНРРА перешли к вновь созданной организа-

ции International Refugee Organization – IRO (ИРО) – Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц. ИРО организовывала лагеря беженцев, их проверку и определение статуса, с ее помощью они становились эмигрантами. Просуществовала она до 1952 года, когда была заменена Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (The Office of the United Nations High Commissioner for Refugees или UN Refugee Agency, UNHCR). Первоначально (примерно до 1947 года) деятельность международных организаций, занимающихся проблемой перемещенных лиц, ограничивалась содействием репатриации и оказанием материальной помощи тем из них, кто находился в специализированных лагерях. Впоследствии полномочия международных организаций были расширены: в 1947–1949 годах право на материальную и (или) правовую опеку получили также перемещенные лица, находящиеся в частном секторе. Наконец, в 1949 году, с появлением государства ФРГ, основные полномочия по работе с «ди-пи», получившими статус «иностранцев без гражданства» (*heimatlose Ausländer*), были переданы немецким службам.

С советской стороны делами репатриантов занималось созданное в октябре 1944 года Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран во главе с военным разведчиком генерал-полковником Ф.И. Голиковым. На местах работали репатриационные миссии и группы представителей уполномоченного СНК СССР.

На основании данных ИРО и других источников пополнение российской эмиграции после войны составило лишь около 130 тыс. человек, хотя, возможно, действительная цифра была выше: опасаясь выдачи, люди скрывали свое происхождение [14, с. 355].

Писатель второй волны Б. Филиппов вспоминал, что в лагере перемещенных лиц ему пришлось немало сделать фальшивых документов. Делал документы, например, какому-нибудь Голлородько из Старого Млына, что он родился и жил в Амьене. Почему в Амьене? Потому что Амьен был весь разбомблен, сторели все архивы и проверить было невозможно [15, с. 73].

По другим данным, общее число перемещенных лиц в результате Второй мировой войны, зарегистрированных ИРО, превышало 1.5 млн человек, но сколько из них было советских, точно выявить не представляется возможным. Чаще всего называют цифру 250–300 тыс. человек. Еще по одним данным, их число составляет 451 тыс. человек, из них русских около 31 тыс. человек [5, с. 106].

Представляет интерес анализ этнической структуры зарегистрированных ИРО перемещенных лиц. Больше всего среди них было украинцев – 32.1%, далее шли выходцы из прибалтийских республик – латыши (24.2%), литовцы (14.0%) и эстонцы (13.0%). На всех них, вместе с белорусами (2.2%), приходилось 85.5% зарегистрированных невозвращенцев. Среди перемещенных лиц, не желавших возвращаться на родину, русских было всего 7.0%, что и составляет 31 тыс. человек [1, с. 11]. В целом представляется более правомерным вторую послеоктябрьскую эмиграцию обозначать термином «российская», а не «русская» эмиграция, поскольку по составу она была многонациональной, а не мононациональной.

Первоначально UNRRA комплектовала этнически смешанные лагеря. Однако контингент «ди-пи» был очень пестрым по составу и политическим взглядам: туда попадали люди, просто угнанные на чужбину или попавшие в плен, но большая их часть действительно сотрудничала с гитлеровцами, воевала в войсках РОА, служила в УПА. Репатриация для них означала уголовную ответственность. Настроения перемещенных лиц различались в зависимости от того, с каких территорий они происходили. Например, среди украинцев из восточных областей был очень высок процент желающих добровольно вернуться на родину (75–80%), тогда как среди выходцев из Западной Украины подавляющим было желание любым способом остаться за границей. Особенно этим отличались украинские националисты, развязавшие настоящий террор против русских и особенно восточных украинцев из числа перемещенных лиц, желавших возвратиться на родину и имевших контакты с представителями советских репатриационных миссий. И именно бывшие коллаборационисты оказывали наиболее ожесточенное сопротивление репатриационным органам. Кроме того, они действовали крайне агрессивно и в отношении других перемещенных лиц. Пришлось формировать отдельные украинские лагеря.

Если оккупационные власти закрывали глаза на агрессивные действия западных украинцев в лагерях для перемещенных лиц, то поведение националистов и сочувствующих им, доходившее до произвола, нередко приводило к ожесточению их соотечественников. «Ди-пи» начали восставать против «галичан», то есть западных украинцев вообще, что выражалось, например, в распространении комитетами «советских украинцев» таких листовок: «Украинцы! Галичане (западные украинцы) захватили власть во всех наших лагерях. Они хотят быть нашими старшими братьями, они говорят, что

заботятся о нас и учат нас... Мы освободились от Сталина и Гитлера и не позволим кому-либо вновь командовать нами. В наших лагерях – польских, прибалтийских и русских – люди живут в мире и безопасности. Только в украинских лагерях, лагерях наших «старших братьев», создана удушающая система террора. Мы тоже хотим жить под охраной демократических порядков. Хватит с нас диктатуры. Мы требуем удаления галичан из украинских лагерей» [16, с. 130–135].

Параллельно с образованием новой эмиграции, отъезда ее в разные страны шел процесс «возвращенчества» в СССР. Это объясняется симпатиями к Советской стране, вызванными событиями Великой Отечественной войны. Враждебность к коммунистической власти уступала место искреннему преклонению перед подвигом народа и жертвами, понесенными страной. Когда К. Симонов вскоре после войны приехал в Париж с чтением своих военных стихов, старая эмиграция устроила ему восторженный прием. С заявлениями о принятии новой России выступили в это время многие видные люди эмиграции, в том числе и Н.А. Бердяев.

Во Франции, например, обмен французских паспортов на советские получил массовый характер. Были случаи, когда эмигранты, особенно из тех, которые считали себя обиженными французскими властями и натерпелись в свое время в ожидании, пока им выдадут вид на жительство, получив советские паспорта, демонстративно сжигали французские свидетельства. Точных данных о том, сколько эмигрантов получили советские паспорта, неизвестно. В литературе приводится цифра порядка 10 тысяч, но, видимо, реально уехавших было меньше [17, с. 312].

Основной массой желающих выехать в СССР были потомки представителей еще дореволюционной трудовой эмиграции. В 1940–1950-х годах вернулись и некоторые представители белой эмиграции, в частности скульптор С.Д. Эрзя, певец А.Н. Вертинский, поэт А. Ладинский; из вынужденной – возвратился генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский². Некоторые писатели первой волны эмиграции предпочли остаться в Западной Европе, хотя и приняли советское гражданство. Среди них были А. Ремизов, В. Иванов, Н. Тэффи.

Немало способствовала всплеску советского патриотизма и пропагандистская деятельность советских органов, в особенности Комитета за возвращение на Родину. Большую активность по пропаганде «возвращенчества» развил Союз русских патриотов, члены которого, в большинстве недавние участники движения Сопrotивления, искренне верили официальной советской пропаганде. На какое-то время он стал одним из

центров эмигрантской жизни. Здесь устраивали вечера встреч с советскими знаменитостями, приезжавшими в Париж, организовывали прощания отъезжающих.

15 августа 1947 года в Париже состоялся учредительный съезд Союза советских граждан. Одним из инициаторов его создания был И.А. Кривошеин, уже получивший к тому времени советский паспорт. Это была достаточно известная личность в эмигрантских кругах: сын министра земледелия (1908–1915) А.В. Кривошеина, активный участник французского движения Сопротивления, арестовывался гестапо, сидел в концлагере, был награжден французским военным орденом. Через несколько месяцев, 25 ноября 1947 года, ряд видных новых советских граждан во главе с руководителями Союза был арестован французскими властями, которых раздражал явно пропагандистский характер его деятельности. Арестованных отправили в советскую зону Германии в пересыльный лагерь около Бранденбурга. В феврале 1948 года они уехали в СССР. Судьбы их сложились в дальнейшем драматично, у многих – трагично. Тот же И.А. Кривошеин, вернувшись в СССР, был арестован, годы провел в заключении, пережил арест сына, реэмигрировал в 1974 году вновь во Францию, став эмигрантом по второму кругу [12, с. 745].

Центром новой послевоенной эмиграции стала Германия, а ее столицей – Мюнхен. Именно здесь осела основная масса новых эмигрантов. В Мюнхен из Югославии перебрался даже Синод Зарубежной Церкви. По-прежнему важным регионом расселения российской диаспоры оставалась Франция. В целом, в отношении бывших советских граждан ИРО и другие международные организации проводили наиболее дискриминационную политику. Им труднее было получить визу на выезд из Германии. Как правило, новые эмигранты вербовались на тяжелые работы – в шахты, на лесоповал, ткацкие фабрики.

Уже летом 1945 года в Управление уполномоченного СНК СССР стала поступать информация о том, что союзники ведут отбор полезных для себя перемещенных лиц, прежде всего квалифицированных специалистов и ученых. Одновременно легко передавали советским репарационным властям тех, кто не представлял для Запада интереса. С осени 1945 года оккупационные власти американской зоны, где было много лагерей «ди-пи», начали временно приостанавливать принудительную выдачу советским военным властям перемещенных лиц, не желающих репатрироваться в СССР. Такое распоряжение было обусловлено прагматичны-

ми причинами: потребностью в дешевой рабочей силе и пониманием, что «ди-пи» могут быть успешно использованы в политической и идеологической борьбе против Советского Союза. В 1946 году на I сессии Организации Объединенных Наций было фактически принято решение о прекращении принудительной репатриации. К середине 1946 года закончился период массовой репатриации. В последующие годы она носила уже единичный характер.

С началом 50-х годов начинается процесс переселения за океан большого количества российских эмигрантов. В основном эмигранты второй волны перебрались в США и Канаду, сформировав там большую и влиятельную антироссийскую украинскую диаспору. Однако значительное их число отправилось и в страны Южной Америки, в первую очередь в Аргентину и Бразилию. Там новые эмигранты встречались с потомками трудовых эмигрантов конца XIX века, представителями первой волны. Отношения между ними были достаточно сложными. Стержнем всех конфликтов и противоречий всегда было отношение к СССР. Большая часть старых эмигрантов с симпатией относилась к СССР, победившему фашизм, а вновь прибывших считали предателями и изменниками родины.

Необходимо подчеркнуть, что отъезд за океан для перемещенных лиц тормозился властями союзников, обставлялся целым рядом препон. Сама реальная возможность отъезда появилась не сразу, а только по мере ухудшения отношений СССР и Запада, с началом «холодной войны». Например, Канада в те годы принимала иммигрантов только при наличии близких родственников и их поручительстве. Аргентина и Австралия не принимали мужчин старше 45 лет, а женщин – старше 30. Нужно было предъявить доказательства о наличии жилья за океаном, паромный билет оплатить самим, что для большинства перемещенных лиц было нереально. Все страны принимали только здоровых людей.

Для русских «ди-пи» дополнительной преградой была их национальность. Аргентина отдала распоряжение своим консулам не визировать паспорта лицам славянского происхождения, а в особенности русским. Сказывалась инерция смешивать русских с коммунистами. Западные страны боялись возникновения у себя коммунистической пятой колонны. Лишь с начала 1950-х годов, особенно после принятия Конвенции от 28 июля 1951 года, дававшей эмигрантам значительно больше прав на жительство, работу, передвижение, юридическое положение перемещенных лиц улучшилось и лагеря «ди-пи» перестали существовать [14, с. 356–357]. Некоторые перемещенные лица

прожили в них по 5–6 лет, пока не добились статуса эмигрантов.

Трудно они вписывались и в политическую жизнь эмигрантской среды. Политическая картина в послевоенной Европе была сложной, действовали десятки карликовых партий и объединений, которые находились в состоянии постоянной конфронтации между собой.

Отличительной чертой послевоенной эмиграции является сознательная политическая оппозиция советскому режиму. Ее кредо было изложено в Манифесте освобождения народов России, а организационно и структурно движение было оформлено в Комитет освобождения народов России (КОНР), который в 1944 году возглавил генерал Власов. Несмотря на Победу 1945 года, на последовавшие в изгнании расколы и политические деления на фракции, эмигрантская оппозиция сохранила ярко выраженные антикоммунистические идеи. Антикоммунистические усилия эмигрантов способствовали организации Соединенными Штатами пропаганды против Советского Союза в годы «холодной войны». Видное, если не центральное, место в названных усилиях занимала организация СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России, идейный наследник власовского КОНРа [18, с. 72–76].

Сразу же возникали мировоззренческие проблемы взаимопонимания с эмигрантами первой волны. Новых эмигрантов меньше интересовали вопросы сохранения духовного наследия старой дореволюционной России: они ее, в большинстве своем, не знали. Две эти волны разделялись социальными, культурными, мировоззренческими барьерами. Первая в основном была представлена дворянством и интеллигенцией, вторая – в массе своей – рабочими и крестьянами, хотя там также были представители художественной и научно-технической интеллигенции, внесшей свой вклад в развитие литературы Русского зарубежья, в духовную жизнь приходов Русской православной церкви за рубежом.

Зато в чем послевоенная волна превосходила старую эмиграцию – так это в ненависти к большевикам и советской власти, что, кстати сказать, затрудняло исследование проблем эмиграции историками в советский период и обусловило ее закрытость и тенденциозность. Для официальной идеологии СССР все без исключения эмигранты были открытыми врагами и предателями.

Необходимость объединенного участия в «холодной войне» против общего противника – Советского Союза обусловила попытки сближения разных этнических групп эмиграции, раздираемых внутренними противоречиями. В 1946 году был создан Межнациональный коми-

тет политических эмигрантов и перемещенных лиц, который должен был способствовать сотрудничеству политических эмигрантов и «ди-пи» всех национальностей. В 1947 году создан Центр объединенной политической эмиграции (ЦОПЭ). В 1948–1949 годах вторая волна эмиграции создала новые организации, такие как Антибольшевистский центр освободительного движения народов России (АЦОДНР), Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), Союз воинов освободительного движения (СВОД), Боевой союз молодежи России. В состав этих организаций входили в основном бывшие власовцы. Они же составили костяк действовавшего в конце 40-х годов Союза андреевского флага (САФ).

В начале 50-х годов предпринимались многочисленные попытки объединения эмиграции. В этих целях состоялся ряд съездов и конференций политических организаций как старой, так и новой эмиграции. Первый такой съезд проходил в январе 1951 года в Фюссене. Туда собрались представители Лиги борьбы за свободную Россию, Союза борьбы за свободу России, СБОНР и Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). Было принято решение о создании общего координационного центра всей русской эмиграции – Совета освобождения народов России (СОНР). Но, несмотря на стремление к объединению, добиться реального объединения ни в послевоенные годы, ни позже не удалось – слишком велик был груз противоречий и амбиций. Впрочем, как не удалось объединиться и предшествующей первой волне российской послереволюционной эмиграции.

Примечания

1. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве: [заключено в Ялте 11.02.1945]. С. 283–287; Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским командованием, и войсками, находящимися под Британским командованием: [заключено в Ялте 11.02.1945]. С. 290–292; Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским командованием, и войсками, находящимися под командованием Соединенных Штатов Америки: [заключено в Ялте 11.02.1945]. С. 296–300.

2. Вертинский А. Четверть века без родины; Гранин Д. Зубр; Иванов С. Страницы уранового проекта. Тимофеев-Ресовский в Германии // Литературная Россия, 1988, 27 мая; Глэд Дж. Беседы в изгнании. М., 1991.

Список литературы

1. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию. URL: <http://demoscope.ru/weekly/>. № 251–252. 19 июня – 20 августа 2006.
2. Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/>. № 559–560. 17–30 июня 2013.
3. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
4. Дробязко С.И. Восточные войска и Русская освободительная армия // Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945. Вып. I. М., 1997.
5. Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы: Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.
6. Полян П. Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением. URL: <http://demoscope.ru/weekly/>. № 313–314. 10–31 декабря 2007.
7. Пронин А.А. Российская эмиграция как объект исследования: Монография. LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012.
8. Пронин А.А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: Монография. Москва – Берлин, 2015.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании: (4–11 февр. 1945 г.). М., 1979.
10. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996.
11. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989.
12. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940: Документы и материалы. М., 1999.
13. О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период: Указ Президента РФ от 24.01.1995 г. № 63 // Собр. законодательства РФ. 1995. № 5.
14. Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994.
15. Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991.
16. Косован Е.А. Украинская эмиграция в Германии (XIX–XXI вв.): Дис. ... канд. ист. н. М., 2015.
17. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990.
18. Корнилов А.А. Об историческом значении русской послевоенной эмиграции в США // Актуальные проблемы американистики: Материалы международного научного семинара «Российско-американские отношения в контексте глобальных изменений». Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2002.

SOME PROBLEMS OF FORMATION OF THE SECOND WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE TWENTIETH CENTURY

Т.А. Medvedeva, S.V. Bushueva

This paper aims to analyze the problems of formation of the postwar wave of Russian emigration, to identify its quantitative and qualitative composition, as well as its peculiar features. One of the problems for the second post-October wave of emigration was enforced repatriation after the Yalta agreements. However, in parallel with the formation of a new emigration was the process of emigrants' return to the USSR, which was primarily related to the increased prestige of the Soviet Union after the victory over fascism.

Keywords: migration, emigration, option, repatriation, deportation, displaced persons, waves of emigration from Russia.

References

1. Polyan P. Ehmigraciya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu. URL: <http://demoscope.ru/weekly/>. № 251–252. 19 iyunya – 20 avgusta 2006.
2. Zemskov V.N. «Statisticheskij labirint». Obshchaya chislennost' sovetskih voennoplennyh i masshtaby ih smertnosti. URL: <http://demoscope.ru/weekly/>. № 559–560. 17–30 iyunya 2013.
3. Sud'ba voennoplennyh i deportirovannyh grazhdan SSSR: Materialy Komissii po rehabilitacii zhertv politicheskijh repressij // Novaya i novejschaya istoriya. 1996. № 2.
4. Drobzyazko S.I. Vostochnye vojska i Russkaya osvoboditel'naya armiya // Materialy po istorii russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya 1941–1945. Vyp. I. M., 1997.
5. Popov A.V. Russkoe Zarubezh'e i arhivy: Materialy k istorii russkoj politicheskoy eh migracii. Vyp. IV. M., 1998.
6. Polyan P. Optacii: s kem i kogda v XX veke Rossiya obmenivalas' naseleniem. URL: <http://demoscope.ru/weekly/>. № 313–314. 10–31 dekabrya 2007.
7. Pronin A.A. Rossijskaya eh migraciya kak ob'ekt issledovaniya: Monografiya. LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012.
8. Pronin A.A. Istoriya izucheniya rossijskoj eh migracii v dissertacionnyh issledovaniyah 1980–2005 gg.: Monografiya. Moskva – Berlin, 2015.
9. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciayah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: Sb. dokumentov. T. 4. Krymskaya konferenciya rukovoditelej trekh soyuznyh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii: (4–11 fevr. 1945 g.). M., 1979.
10. Tolstoj N.D. Zhertvy Yalty. M., 1996.
11. Shul'gin V.V. Dni. 1920: Zapiski. M., 1989.
12. Politicheskaya istoriya russkoj eh migracii. 1920–1940: Dokumenty i materialy. M., 1999.
13. O vosstanovlenii zakonnyh prav rossijskih grazhdan – byvsih sovetskih voennoplennyh i grazhdanskijh lic, repatriirovannyh v period Velikoj Otechestvennoj vojny i v poslevoennyj period: Ukaz Prezidenta RF ot 24.01.1995 g. № 63 // Sobr. zakonodatel'stva RF. 1995. № 5.

14. Nazarov M. *Missiya russoj ehмиграции*. М., 1994.
15. Glehd Dzh. *Besedy v izgnanii*. Russkoe literaturnoe zarubezh'e. М., 1991.
16. Kosovan E.A. *Ukrainskaya ehмиграция v Germanii (XIX–XXI vv.)*: Dis. ... kand. ist. n. М., 2015.
17. Kostikov V.V. *Ne budem proklinat' izgnan'e... (Puti i sud'by russoj ehмиграции)*. М., 1990.
18. Kornilov A.A. *Ob istoricheskom znachenii russoj poslevoennoj ehмиграции v SShA // Aktual'nye problemy amerikanistiki: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Rossijsko-amerikanske otnosheniya v kontekste global'nyh izmenenij»*. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2002.